

О Л Ъ Г А Б У Т Е Н К О

НОС

Парфюмер в её голове

Ольга Бутенко

Нос. Парфюмер в её голове

«Автор»

2026

Бутенко О.

Нос. Парфюмер в её голове / О. Бутенко — «Автор», 2026

Пятнадцатилетняя Вера Соколова однажды обнаруживает, что в её голове живёт чужой голос. Он принадлежит Юсуфу ибн Хайрану — знаменитому парфюмеру XIX века, который почти сто лет назад пытался открыть формулу бессмертия. Теперь он не может покинуть её сознание. А она не представляет, как жить с человеком, который знает о запахах больше, чем кто-либо на свете. Так начинается необычная дружба, которая навсегда изменит их обоих. Среди московских дворов, школьных коридоров, старых флаконов и домашних экспериментов Вера постепенно открывает мир, о существовании которого раньше не подозревала. Мир, в котором у каждого воспоминания есть свой запах. И где бессмертие может оказаться совсем не тем, что люди привыкли искать.

© Бутенко О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Последняя формула Юсуфа ибн Хайрана	5
Глава вторая. Три дня	8
Глава третья. Словарь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Нос. Парфюмер в её голове

Глава первая. Последняя формула Юсуфа ибн Хайрана

Грасс, 1893 год

Мастерская пахнет так, как не пахнет ни одно место в мире. Юсуф ибн Хайран — здесь его сорок лет зовут месье Жозефом, и он давно перестал поправлять — знает каждый из этих запахов поимённо, как пастух знает своих овец. Слева, у восточной стены, стоят абсолюты: жасмин с полей Пласскасье, собранный до рассвета, потому что после рассвета он уже не тот; тубероза, которую он не любит и уважает; роза-центифолия, самая дорогая вода в этом доме.

Справа — смолы, привезённые с другого конца его жизни: ладан, бензой, стиракс и мирра в тёмных комках, каждый из которых он покупал сам, не доверяя закупщикам.

В центре, на рабочем столе, стоит то, чего в этой мастерской быть не должно.

Медная чаша. Круг из соли. Двадцать девять флаконов, расставленных не по алфавиту и не по семействам, а по порядку, который он вывел за последние одиннадцать лет — и который не записан ни на одном листе бумаги, потому что записанное можно прочесть. Юсуфу восемьдесят один год.

Он поднимает руки к свету — старческие руки, в пятнах, с распухшими суставами, — и рассматривает их без всякой жалости. Руки его подвели первыми. Потом подведёт всё остальное. Нос пока держится: последний, самый упрямый орган, который отказывается стареть вместе с телом. Именно поэтому он и делает это сегодня.

Не потому, что боится смерти. Юсуф ибн Хайран видел смерть чаще, чем ему хотелось бы: мать, двух братьев, жену, старшего сына, обоих учителей — восточного и французского, — и половину тех, с кем начинал. Он привык. Смерть — не враг, а самое обыкновенное вещество, и как всякое вещество имеет запах, консистенцию и правила обращения. Он делает это потому, что не успел.

Ему было девять, когда его привели в мастерскую Абу Тахира в качестве младшего подмастерья — мальчика, который моет посуду, таскает воду и сидит на полу, пока взрослые работают. Он мыл посуду шесть лет. Потом ещё четыре года ему разрешали только процеживать. И только на одиннадцатый год Абу Тахир впервые дал ему понюхать амбру и спросил, что он слышит. Он сказал: «Море, которое устало».

Абу Тахир засмеялся и ответил, что это самое глупое и самое точное определение, которое он слышал за тридцать лет.

С тех пор прошло семьдесят два года, и Юсуф до сих пор считает, что всё ещё не понял амбру до конца.

Вот в чём дело. Не в бессмертии. В том, что жизни просто не хватает — на амбру, на уд, на то, чтобы понять, почему одна и та же роза в Кашане и в Грассе пахнет двумя разными существами. Человеку дают семьдесят, восемьдесят лет, из которых первые двадцать он учится держать колбу, а последние двадцать у него дрожат руки. Остаётся сорок. Сорок лет на вещество, которому три тысячи. Это несправедливо, и Юсуф намерен эту несправедливость исправить. Он гасит все лампы, кроме одной.

Формула, которую он собрал, — не совсем парфюм и не совсем ритуал. Она из третьей книги Абу Тахира, той самой, которую учитель велел сжечь и которую Юсуф не сжёг, а спрятав под половицей и вывез из Исфахана в подкладке дорожного сундука. Он читал её сорок лет и понял, кажется, три четверти. Оставшуюся четверть он достроил сам — по запаху, как достраивают недостающую ноту в чужой композиции.

В книге сказано: душа держится в теле не сама по себе, а потому, что тело её узнаёт. Каждое утро тело просыпается и говорит душе — ты моя.

Если сделать так, чтобы тело перестало узнавать, а рядом при этом оказался запах, который душа знает лучше самой себя, — душа перейдёт туда. Юсуф собрал этот запах.

Двадцать девять составляющих. Всё, что было в его жизни главного: жасмин той первой ночи в Плассассье, когда он понял, что останется во Франции навсегда; мирра из отцовской лавки; амбра Абу Тахира; вода из фонтана в Исфахане, которую он хранит запечатанной сорок лет и от которой давно уже пахнет не водой, а памятью; и двадцать пять других, о которых не знает никто.

Это не духи. Это он сам, разложенный на составляющие и собранный обратно.

Он поджигает уголь в медной чаше и начинает вливать по капле, в том порядке, который вывел. Запах поднимается медленно.

Сначала — верх: цитрус, зелень, что-то острое и молодое, чего в Юсуфе не осталось уже лет пятьдесят. Он вдыхает и вдруг видит себя девятилетним, на полу мастерской, с мокрыми по локоть руками.

Потом — сердце: цветы, смолы, вся его середина жизни разом. Жена в дверях мастерской. Сын, которому он не успел передать. Первый флакон с его собственным именем на этикетке.

Потом приходит база, и вот тут Юсуф понимает, что что-то не так. База должна была держать. Амбра, мускус, дубовый мох — то, что стоит на дне композиции и не даёт ей улететь. Так работает любой парфюм, и так, по книге, должна была работать душа: подняться и осесть обратно, уже свободной от тела. Но дно не держит.

Юсуф чувствует, как его тянет вверх — не метафорически, а буквально, тем самым движением, которым лёгкая нота уходит с бумажной полоски в первые же минуты. Он пытается схватиться за что-нибудь, и не может, потому что хвататься больше нечем: рук у него уже нет. Последнее, что он успевает подумать, не лишено профессионального интереса. Значит, я всё-таки верхняя нота.

А потом мастерская, Грасс, тысяча восемьсот девяносто третий год и восемьдесят один прожитый год — всё это перестаёт существовать одновременно, и Юсуфа ибн Хайрана несёт куда-то со скоростью запаха, у которого больше нет носителя.

* * *

Он приходит в себя от того, что ему в лицо светит квадратное солнце. Это первая мысль — и она настолько глупая, что Юсуф, который за восемьдесят один год ни разу не позволил себе неточной формулировки, некоторое время просто лежит и смотрит на квадрат света, пытаюсь понять, где он ошибся.

Солнце не квадратное. Квадратный — источник света. Он висит на стене, гудит и светит белым, и Юсуф не знает ни одного вещества, которое горело бы так ровно и без запаха. Второе, что он замечает: он не может повернуть голову.

Точнее — голова поворачивается, но не тогда, когда он этого хочет. Она поворачивается сама, куда-то влево, и Юсуф с ужасом понимает, что смотрит на предметы, которых не выбирал. Третье приходит вместе с паникой. Он не чувствует запахов.

Совсем — нет. Он чувствует, но так, как чувствовал бы годовалый младенец: сплошную кашу, в которой нет ни одной различимой ноты.

Есть что-то мыльное. Что-то жареное. Что-то химическое, резкое, ни на что не похожее. И ни один из этих запахов он не может назвать — не потому, что не знает, а потому, что нос, которым он сейчас дышит, никогда в жизни не учился. Восемьдесят один год Юсуф ибн Хайран строил свой нос, как строят собор.

А теперь у него чужой. И необученный.

— Ты чего застыла?

Голос раздаётся рядом, и Юсуф не понимает ни слова. Язык не арабский, не персидский и не французский — какой-то четвёртый, тяжёлый, с шипящими.

— Земля вызывает. Задачу будешь списывать или нет?

И тогда тело, в котором он находится, отвечает. Оно отвечает без его участия — открывает рот, произносит что-то раздражённое, тянется рукой к какому-то предмету на столе. Юсуф чувствует каждое из этих движений изнутри и не управляет ни одним, как не управлял бы дыханием спящего рядом человека. Он в чужом теле.

Не вместо кого-то. Вместе с кем-то.

И этот кто-то — судя по руке, которую он сейчас видит краем чужого глаза, тонкой, с обкусанным ногтем и чернильным пятном на большом пальце, — совсем ещё девчонка.

О нет, — думает Юсуф ибн Хайран, восемьдесят один год, мастер-парфюмер города Грасса, автор сорока трёх формул и одной непоправимой ошибки. О нет, нет, нет.

Глава вторая. Три дня

День первый

Первое, что делает Вера, — притворяется, что ничего не случилось.

Получается плохо: она сидит на алгебре с открытым ртом и смотрит в тетрадь Кравцовой, у которой собиралась списать. Голос в голове сказал что-то на непонятном языке — отчётливо, с интонацией человека, уронившего на ногу что-то тяжёлое.

— Ты списывать будешь или нет? — шипит Кравцова.

Вера списывает. Рука пишет ровно, буквы получаются как обычно, всё в порядке. Значит, показалось. Не спала нормально, вот и показалось.

Голос повторяется на большой перемене. Потом на истории. Потом в раздевалке.

К концу шестого урока он произнёс уже что-то около двадцати фраз, ни одной из которых Вера не поняла, и она официально решает, что не будет об этом думать до вечера. Она умеет не думать о вещах. Она так делала, когда родители разводились, и это отлично работало почти целый год.

Дома она ест суп, делает физику, смотрит телевизор и ложится спать в половине одиннадцатого. Голос при этом не замолкает ни на минуту.

Он звучит всё более раздражённо, потом растерянно, потом — где-то к программе «Время» — почти умоляюще. Вера сидит с прямой спиной и очень внимательно смотрит на диктора.

Ночью она долго не может заснуть и лежит, глядя в потолок.

— Отстань, — говорит она наконец в темноту. — Я тебя не слушаю.

Голос замолкает. И это гораздо страшнее, потому что означает, что он её слышит.

День второй

Утром Вера просыпается с одной ясной мыслью: надо проверить, не сумасшедшая ли я.

Она уходит с уроков — впервые за девять лет — и идёт в районную библиотеку, потому что дома медицинская энциклопедия одна и та же, а тут их несколько.

Она читает три часа: слуховые галлюцинации, дебют в подростковом возрасте, наследственность. Она добирается до места, где перечислены симптомы, и обнаруживает у себя четыре из семи, после чего идёт в туалет и там плачет, стоя, минут пятнадцать, стараясь не издавать звуков. Голос молчит всё это время.

Он молчит и когда она идёт домой пешком через весь район в минус двенадцать. Он молчит, пока она сидит на кухне, не снимая пальто. Он молчит, когда приходит мама и спрашивает, почему у неё такое лицо, и Вера говорит, что просто устала. Он заговаривает только ночью, когда она уже лежит. На этот раз — по-французски.

Вера французского не знает, но узнаёт язык: у них в школе есть французская группа, и она слышала, как те картавят.

— Я тебя не понимаю, — говорит она в потолок. — Слышишь? Я. Тебя. Не. По-ни-ма-ю.

Голос замолкает. А потом, очень медленно, с чудовищным акцентом, произносит по-русски:

Ты. Меня. Понимаешь. Сейчас?

Вера садится в кровати так резко, что у неё темнеет в глазах.

— Как ты это сделал?

Я слушал. Весь день. Ты много говорила.

— Я почти не говорила!

Ты говорила достаточно. Двадцать три слова я узнал у тебя, остальные — у людей вокруг. Мне не хватает очень многого. Пожалуйста, говори медленно.

Вера сидит в темноте, обхватив колени. За один день — с нуля до фраз. Ни один сумасшедший, думает она, не выдумал бы себе галлюцинацию, которая учит русский с акцентом.

Или выдумал бы. Откуда ей знать, что выдумывают сумасшедшие.

— Кто ты? — спрашивает она.

Юсуф ибн Хайран, — отвечает голос, помедлив. — *Я парфюмер.*

— Кто?!

Парфюмер. Человек, который делает духи.

Вера смотрит в темноту.

— У меня в голове парфюмер, — говорит она вслух. — Не Наполеон. Не инопланетянин.

Парфюмер.

Ты предпочла бы Наполеона?

— Я бы предпочла никого!

Она ложится, накрывается одеялом с головой и лежит так, пока не начинает не хватать воздуха.

День третий

На третий день Вера пробует бороться.

Метод первый: громкая музыка. Она берёт у соседа наушники, включает магнитофон на максимум и держит два часа. Голос никуда не девается — он просто ждёт, когда закончится кассета.

Мне не мешает, — говорит он вежливо. — *Я слышу не ушами.*

Метод второй: игнорирование. Держится сорок минут.

Метод третий: переговоры.

— Слушай, — говорит Вера, запершись в ванной и открыв воду. — Уйди. Пожалуйста.

Просто уйди, и всё.

Я бы ушёл.

— Так уйди!

Ты не понимаешь. Я не знаю как.

— Как это — не знаешь?

Я не знаю, как я сюда попал. Я не знаю, где я нахожусь. Я не знаю, какой сейчас год, что это за страна, почему у вас на потолке горит белая палка без огня и как выйти отсюда обратно. Я знаю только своё имя и то, что мне восемьдесят один год.

Вера сидит на краю ванны.

— Восемьдесят один?

Был. Три дня назад.

— И ты не можешь уйти.

Нет.

— Совсем?

Совсем.

Вода шумит. Вера смотрит на свои руки.

— Тогда мне конец, — говорит она.

Мне тоже, — отвечает Юсуф. — *Если тебе от этого легче.*

И почему-то ей действительно становится немного легче.

Глава третья. Словарь

К концу первой недели у Веры появляется новая проблема, о которой в медицинской энциклопедии не написано ни слова. Голос в её голове задаёт вопросы.

Что такое «авось»?

— Отстань, я контрольную пишу.

Ты написала это слово на полях. Я вижу твоими глазами. «Авосьпрокатит». Что такое «авось» и куда оно прокатит?

— Юсуф!

Я записываю в память. У меня нет бумаги. Мне приходится спрашивать.

Вера кладёт ручку и трёт лицо ладонями.

— Авось — это когда надеешься, что повезёт, хотя ничего для этого не сделал.

То есть это надежда без основания, — уточняет Юсуф, подумав.

— Ну... да.

И у вас для этого есть отдельное слово?

— У нас для этого есть целая страна, — бормочет Вера.

— Соколова, ты чего там разговариваешь? — говорит математичка.

— Ничего.

Что такое «прокатит»?

— Юсуф, я тебя убью.

— СОКОЛОВА!

Проблема, как выясняется, серьёзнее, чем кажется. Юсуф ибн Хайран учит русский язык со скоростью, которая Веру пугает, — но учит его из одного-единственного источника, и источник этот — пятнадцатилетняя девочка из девятого «Б».

К концу второй недели он говорит почти свободно. И говорит примерно так:

Представленное сочинение, по всей видимости, не выдерживает критики.

Иными словами, полное фуфло.

— Ты откуда это взял?

От тебя. Вчера, про сочинение Кравцовой.

— Это плохое слово!

Оно нехорошее по звучанию или по смыслу?

— По... — Вера задумывается. — Оно просто грубое.

Тогда почему ты его употребляешь?

— Потому что мне пятнадцать!

Мне восемьдесят один, — с достоинством отвечает Юсуф, — *и я не намерен разговаривать как торговка на рынке. Составь мне список.*

— Какой ещё список?

Слов, которые не следует произносить при взрослых. Я запомню.

Вера составляет. Список получается длинный. Юсуф читает его её глазами и надолго замолкает.

Некоторые из них весьма выразительны, — говорит он наконец.

— Не вздумай.

Первое время он ошибается смешно. Он путает «ничего» и «нечего», отчего фраза «мне нечего сказать» превращается у него в «мне ничего сказать», и Вера каждый раз фыркает.

Он не понимает уменьшительных. Услышав, как мама называет её «Верунчик», он две минуты молчит, а потом осторожно спрашивает:

Это оскорбление?

— Это ласково!

В моём языке ласково — это добавить «свет моих глаз». А непревратить имя в нечто, что звучит как название мелкого грызуна.

— Ты просто завидуешь, что тебя никто так не называл.

Меня называли «уважаемый мастер».

— Скучно.

Достойно, — поправляет Юсуф.

Однажды утром, когда Вера стоит перед зеркалом в прихожей и прикалывает к фартуку значок, он спрашивает:

Кто этот человек?

— Какой?

У тебя на груди. Маленький, золотой, на красном. Я видел его у всех девочек в вашем классе. И у мальчиков тоже.

— Ленин. Это комсомольский значок.

Ленин — это ваш шах?

— Был. Ну, не шах, вождь. Он умер в двадцать четвёртом году.

Юсуф обдумывает это, пока Вера застёгивает пальто.

То есть вы все носите на груди портрет человека, который умершестьдесят лет назад.

— Ну да.

Тогда, пожалуйста, я начинаю понимать вашу страну, — говорит он. — *Здесь никто не уходит окончательно. Это меня отчастиутешает.*

— Очень смешно.

Я не шутил. А что значит «комсомольский»?

Вера объясняет по дороге в школу, как может: что в комсомол принимают с четырнадцати лет, что её приняли весной в восьмом классе, что в классе есть комсорг, Ленка Кравцова, и что каждый месяц Ленке надо сдавать взносы.

Сколько?

— Две копейки.

Это много?

— Это два коробка спичек.

Немного за портрет вождя, — признаёт Юсуф. — *В Исфахане заправо носить на груди изображение шаха с тебя взяли бы кудабольше. Обычно — голову.*

Ещё через день он спрашивает, что такое «чё». Вера пытается объяснить. Объяснение занимает двадцать минут и заканчивается тем, что Юсуф ибн Хайран, мастер-парфюмер города Грасса, автор сорока трёх формул, произносит с чудовищным арабо-французским акцентом:

Чё?

Вера смеётся так, что мама заглядывает в комнату. Впервые за две недели.

С молоком получается в начале декабря. Вера заходит в гастроном — по вторникам иногда бывает молоко — и берёт пакет из ящика.

Стой.

— Что?

Не этот. Возьми другой.

— С чего вдруг?

Он испорчен.

Вера смотрит на пакет. Пакет как пакет, дата нормальная.

— Ты что, унюхал? Через картон?

Не через картон. Ты поднесла его близко к лицу, когда смотрела на дату. На шве есть след.

Очень слабый. Кисловатый.

— Я ничего не чувствую.

Разумеется, не чувствуешь. Тебя никто не учил.

Вера ставит пакет обратно. Потом, из чистого упрямства, берёт его снова и кладёт в сумку вместе со вторым.

Вечером мама вскрывает первый пакет и выливает всё в раковину.

— Свернулось, — говорит она с досадой. — А ведь дата хорошая.

Вера стоит в дверях кухни и молчит.

Ну?

— Совпадение, — отвечает она мысленно.

Разумеется, — соглашается Юсуф, и по интонации совершенно ясно, что он улыбается.

— Чистейшая случайность.

— Заткнись.

Это есть в списке?

— Нет.

Прекрасно.

С подругами хуже. У Веры их две: Ленка Кравцова, с которой они дружат с первого класса и списывают друг у друга по очереди, и Оксана, которая перевелась в прошлом году и знает всё про всех.

В пятницу они сидят у Ленки дома, пьют чай с вареньем и обсуждают дискотеку. Проблема в том, что Юсуф здесь же.

— Ну ты чего молчишь? — спрашивает Ленка.

— Думаю.

О чём?

«Не сейчас», — думает Вера изо всех сил.

Я просто спросил.

— Вер, ты какая-то странная стала, — говорит Оксана, разглядывая её. — Реально. Ты как будто всё время с кем-то разговариваешь.

Вера чувствует, как у неё холодеют пальцы.

— Я сама с собой разговариваю.

— Все сами с собой разговаривают. Но не вслух же.

— Я не вслух.

— Вер. Ты вчера на биологии сказала «да подожди ты». Никому. Просто в воздух.

В комнате становится очень тихо.

Скажи, что репетируешь роль, — говорит Юсуф.

«Какую ещё роль?!»

В школьном спектакле. У вас же есть спектакли?

«Это будет в марте!»

Значит, ты готовишься заранее. Это делает тебя ответственной ученицей.

— Я к спектаклю готовлюсь, — говорит Вера вслух. — Роль учу. Про себя проговариваю, иногда вырывается.

Ленка и Оксана переглядываются.

— А какая роль?

— Большая, — говорит Вера мрачно. — Очень большая роль.

Изящно, — одобряет Юсуф.

«Заткнись».

Этого нет в списке, я проверял.

Вечером, дома, Вера сидит на подоконнике и смотрит во двор.

— Юсуф.

Да?

— Оксанка права. Я странная стала.

Ты не странная. У тебя просто появилось обстоятельство.

— Обстоятельство, — повторяет Вера. — Хорошее слово. Восемьдесят один год, говорит по-французски, живёт у меня в голове.

Обстоятельство.

Юсуф молчит. Вера вдруг застывает.

— Погоди, — медленно говорит она. — Погоди-ка. Ты сказал «живёт у меня в голове». То есть ты правда... всё? Прямо вот всё видишь?

Да.

— И слышишь?

Да.

— И... всё остальное? Ты чувствуешь моё тело?

Пауза — такая длинная, что Вера успевает пожалеть о вопросе.

Да.

Вера сидит очень прямо, глядя в тёмное окно.

— Всё время?

Всё время.

— Значит, вчера, когда я...

Да.

— И утром, когда я...

Да.

Какое-то время оба молчат. Потом Юсуф говорит — и в голосе у него нет ни насмешки, ни неловкости, а что-то другое, тяжёлое и очень старое:

У меня была жена. У меня была дочь — она умерла в шесть лет, если бы выжила, была бы сейчас старше твоей бабушки. Я не хочу здесь находиться. Не потому, что ты плоха. Потому, что мне здесь не место.

— Так уйди.

Я пытаюсь с самого начала. Я пробовал всё, что знаю. Ничего не выходит.

Вера прижимает ладони к лицу.

— И что теперь?

Я работаю над этим, — говорит он наконец. — *Над тем, чтобы не видеть. Каждую ночь, пока ты спишь.*

— И как?

Плохо. Но я начинаю понимать, где искать.

— Где?

Это как с сырьём, — говорит он, и в голосе появляется знакомая уже интонация, ровная и увлечённая, — *когда работаешь с новым материалом, первое время не понимаешь ничего. Кажется, что он ведёт себя случайно. А потом однажды замечаешь, что он всегда делает одно и то же в одних и тех же условиях.*

И с этого момента начинается работа.

— И что делаешь одинаковое ты?

Я перестаю тебя слышать, когда думаю о чём-то своём достаточно глубоко. Пока — на несколько секунд. Но это уж закономерность.

Вера прижимается лбом к холодному стеклу.

— Сколько тебе надо?

Не знаю. Месяц. Может, больше.

— А пока?

А пока, — говорит он, — *я предлагаю тебе очень плохую сделку. Я буду отворачиваться. Не по-настоящему — я не умею. Я просто буду... смотреть в другую сторону. Как человек, который отвернулся к стене. Это ничего не гарантирует. Но это всё, что у меня есть.*

Вера сидит на подоконнике и думает о том, что ей пятнадцать лет и что у неё нет ни одного варианта лучше.

— Ладно, — говорит она наконец. — Пока так.

Пока так, — соглашается Юсуф.

И добавляет, помолчав:

Спасибо.

— А о чём ты думаешь? Ну, чтобы перестать слышать.

Юсуф отвечает не сразу.

О жасмине, — говорит он. — *О том, как его собирают дорассвета, потому что после рассвета он уже не тот. Я думаю обэтом семьдесят лет и до сих пор не могу объяснить словами.*

— Расскажи.

Тебе не будет интересно.

— Юсуф, — говорит Вера, — у меня в голове живёт старик, и мне сегодня пришлось соврать подругам про спектакль. Мне будет интересно что угодно.

И он рассказывает. Полчаса — про поля в Пласкасье, про женщин, которые выходят в четыре утра с корзинами, привязанными к поясу, про то, что цветок надо снимать двумя пальцами и никогда тремя, и про запах, который стоит над полем в тот единственный час, когда ещё темно, но уже понятно, что скоро рассветёт. Вера слушает, глядя во двор, где под фонарём падает снег. Она сама не замечает, в какой момент перестаёт бояться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.